

Кострюков Андрей Александрович,
доктор исторических наук, кандидат богословия
В.н.с. НИО новейшей истории РПЦ
Доцент кафедры истории РПЦ
Православного Свято-Тихоновского
Гуманитарного университета

Пастырское служение архиепископа Серафима (Соболева)

Разговор о пастырском служении архиепископа Серафима (Соболева) следует начать с краткой справки об этом подвижнике.

Архиепископ Серафим (в миру Николай Борисович Соболев) родился 1 декабря 1881 г. в мещанской семье. Будущий иерарх окончил Рязанскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию, где был пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона и иеромонаха епископом Сергием (Тихомировым). По окончании академии иеромонах Серафим трудился на поприще духовного образования. В 1912 г. он был возведен в сан архимандрита и назначен ректором Воронежской духовной семинарии. В 1919 г. о. Серафим ушел на юг с войсками генерала А.И. Деникина. В 1920 г. по благословению Высшего церковного управления Юга России архимандрит Серафим был рукоположен во епископа Лубенского. В том же году он эмигрировал, в изгнании подчинился Зарубежному церковному управлению. С 1921 г. и до конца дней своих иерарх служил в Болгарии, где управлял русскими приходами. 30 октября 1945 г. архиепископ Серафим и русские приходы в Болгарии были приняты в Русскую Православную Церковь. Архипастырь отошел ко Господу 26 февраля 1950 г. Сразу после смерти началось почитание архипастыря, которое не прекращалось даже в периоды наибольшего давления на Православную Церковь со стороны коммунистического правительства Болгарии.

Биография архиепископа опубликована и нет смысла пересказывать ее. Но вопрос о пастырском аспекте его служения еще не исследован и хотелось бы подробнее остановиться именно на этом.

Согласно «Книге о должностях пресвитеров приходских», впервые увидевшей свет в 1776 году, и принадлежащей, по мнению большинства исследователей, святителю Георгию (Конисскому) и епископу Парфению (Сопковскому), на пастыре лежат четыре обязанности:

1. «Проповедовать слово Божие, не упуская благовременного случая», 2. «Препровождать житие согласно учению Евангельскому, и тем представлять себя примером святых жизни», 3. «Строение тайн Божиих», 4. «Молитва ко Господу, которая столь благопотребна и нужна есть проповедникам и строителям тайн действия, что они без нея ни проповедовать слова Божия, ни сами свято жить, ниже Богоугодно священнодействовать не могут»¹.

Итак, основные обязанности пастыря – проповедь, личная жизнь, как пример для пасомых, богослужение и молитва. На том, какое значение имели эти направления пастырской деятельности в служении архиепископа Серафима, и хотелось бы остановиться.

Богослужение

По свидетельству духовных чад иерарха, без богослужения он жить не мог, оно было нужно ему, как воздух. Местом служения архиепископа Серафима в 1921 – 1934 и в 1945 – 1950 гг. был русский Никольский храм на бульваре Царя Освободителя в Софии. В 1934 – 1946 гг. русская община находилась в другом храме – Никольской церкви на улице Царя Калояна. Но на ход богослужения это не влияло. Архипастырь неукоснительно служил во все воскресные и праздничные дни, а по четвергам всегда служил молебен с акафистом святителю Николаю Чудотворцу.

«Великое счастье служить. Я, когда лежал в больнице плакал, что не могу служить», - рассказывал архиепископ². Любовь к богослужению сочеталась у владыки и с ревностным отношением к богослужебному Уставу и порядку в храме. «Очень торжественными и молитвенно-трогательными были его богослужения», - вспоминал митрополит Иларион (Цонев)³. Даже недолго любивший его протопресвитер Георгий Шавельский свидетельствовал, что богослужения архиепископ «совершал спокойно и благоговейно»⁴. Иеромонах Николай (Шелехов) оставил такую запись об отношении архипастыря к службе: «Владыка сделал мне серьезное замечание за то, что я позволил себе разговаривать с о. Андреем [Ливеном] во время евхаристического канона: "Когда я воздел руки пред святыми Дарами, ты позволил себе обратиться к о. Андрею. В это время «да молчит всяка плоть человека», а ты разговариваешь! На что это похоже? Если еще раз это повторится, я наложу на тебя епитимию на полгода"»⁵.

---

¹ Цит. по: *Константин (Зайцев), архим.* Пастырское богословие. Решма. 2002. С. 13 – 14.

² *Касиния (Везенкова), мон.* Записи // Архив А. Бойкикевой.

³ *Иларион (Цонев), митр.* Воспоминания / Архив Подворья Патриарха Московского и всея Руси в Софии.

⁴ ГАРФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. С. 645.

⁵ *Касиния (Везенкова), мон.* Записи // Архив А. Бойкикевой.

Опасения за чистоту Устава подвигли архиепископа Серафима и к защите старого календаря, что отразилось, в частности, в его известном выступлении на Московском Совещании 1948 года.

При этом, архиепископ не относился и к категории «тупиконщиков»⁶. В этом архиепископ Серафим отличался от другого подвижника своего времени – архиепископа Иоанна (Максимовича). Бывали случаи, когда святитель Иоанн заметив ошибку хора, выходил из алтаря и заставлял певчих исполнять песнопение заново. Это увеличивало продолжительность служб, и среди шанхайской паствы было много недовольных, предпочитавших ходить в другие храмы⁷. Архиепископ Серафим такими методами не пользовался, старался, чтобы служба была торжественной и плавной. Русская церковь в Софии приходской, а не монастырской, а потому службы в ней были не более длинными, чем в других церквях болгарской столицы.

Для уставных служб оставались монастыри. С дореволюционных времен Русской Церкви в Болгарии принадлежал Спасский (Алекса́ндро-Невский) монастырь в Ямболе. В 1934 г. эта обитель была передана Болгарской Церкви. Братия монастыря переехала в монастырь Архангела Михаила в Кокаляне неподалеку от Софии. Здесь архипастырь подолгу жил летом.

Архипастырь уделял большое внимание церковному хору, пригласил в него лучших регентов и в скором времени хор русского храма стал одним из лучших в Болгарии⁸.

Благоговейные и торжественные службы, уважение к богослужебному уставу, гармоничное пение – все это привело к тому, что на русский храм стали равняться. Экзарх Болгарской Церкви митрополит Софийский Стефан по договоренности с архиепископом Серафимом направлял на стажировку в Никольскую церковь молодых священников.

Проповедь

С богослужением тесно связана проповедь. «Горе мне, если не благовестую» (1 Кор. 9. 16), - говорил святой апостол Павел. То же самое мог сказать о себе и архиепископ Серафим. Проповедь архипастырь считал важнейшей задачей своей жизни. Иерарх произносил проповедь после каждого богослужения. Если архиепископ плохо себя чувствовал, он молился Господу о том, чтобы Он помог ему сказать проникновенное слово. Говорят, что такие вымоленные проповеди были особенно удачными.

---

⁶ См.: Киприан (Керн), архим. Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чепуре). М., 2002. С. 148 – 149.

⁷ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 14. Л. 57 об. – 58.

⁸ Говорухин В. Русский Свято-Николаевский храм в Софии // Русский Свято-Николаевский храм в Софии. София, 1995. С. 15, 16.

Архиепископ Серафим не стремился к усложнению своей проповеди, старался не проповедовать долго. Его поучения были бесхитростны, просты по своему содержанию, а потому понятны и действенны. «Поменьше своемудрия, побольше простоты», – нередко повторял архипастырь слова праведного Иоанна Кронштадтского⁹. Опираясь в своих проповедях на Писание, творения Отцов и жития святых, архипастырь иногда вспоминал и о подвижниках, с которыми когда-то общался лично¹⁰. Такие примеры оживляли поучение, показывая, что святость не где-то далеко, а совсем рядом. Проповедь не оставалась безрезультатной. Иногда после слова на Прощеное Воскресенье искренне, со слезами на глазах мирились даже те, кого все считали непримиримыми врагами¹¹.

Личная жизнь

Нельзя было скрыть от паствы и личную жизнь. Она стала известна уже в первый день прибытия архипастыря в Болгарию. На вокзале епископа и его брата иеромонаха Сергия встречал только архидиакон Иоанникий на извозчике. Причиной такой скромной встречи была необоснованная обида на владыку протопресвитера Георгия Шавельского, который сам планировал получить место настоятеля. Вслед за о. Георгием не поехали встречать архипастыря и другие священники Никольского храма. Но епископ Серафим на следующий день смиренно посетил всех священников, восстановив мир¹².

Нелюбовь к роскоши также не была секретом для паствы. Поначалу архипастырь жил в квартире на Московской улице, до революции принадлежавшей посольству Российской Империи. После передачи храма Болгарской Церкви русский приход переехал в храм святителя Николая на улице Калояна, а владыка стал снимать дешевую квартиру в доме № 30 на улице Велико Тырново. Вместе с архипастырем жил и его брат. Квартира была лишена даже элементарных удобств, но архипастырь не хотел ничего иного. Он старался избегать роскоши и пристрастия к вещам, говоря: «Вещи меня обременяют. Они – тяжесть для души»¹³. Существует предание, что маршал Толбухин посетил архиепископа Серафима, был поражен совершенной бедностью, в которой жил архипастырь и распорядился бесплатно выделять ему дрова.

Тяжелым испытанием для архиепископа Серафима были его болезни. В России он заразился туберкулезом, в эмиграции болезнь стала прогрессировать. В середине 1920-х гг. врачи говорили, что состояние

---

⁹ Духовные чада о владыке Серафиме // *Серафим (Соболев), архиеп.* Проповеди. София, 1998. С. 11.

¹⁰ См., напр.: *Серафим (Соболев), архиеп.* Проповеди. София, 1998. С. 69 – 70, 103, 191 – 192, 224.

¹¹ Духовные чада о владыке Серафиме // *Серафим (Соболев), архиеп.* Проповеди. София, 1998. С. 9.

¹² ГА РФ. Ф. 1489. Оп. 1. Д. 8. С. 644.

¹³ Духовные чада о владыке Серафиме // *Серафим (Соболев), архиеп.* Проповеди. София, 1998. С. 11.

архипастыря почти безнадежно. В одном из писем архипастырь свидетельствовал, что стоит ему пройти всего несколько десятков метров, как начинает резко подниматься температура¹⁴. Иерарх тогда все же выжил, но болезни преследовали его постоянно. Интересно, что сам архиепископ относился к болезням спокойно. Когда иеромонах Николай (Шелехов) сказал владыке, что плохо себя чувствует, архиепископ Серафим ответил: «Еще монахом не успел стать, а уже болеть начал. Это хороший признак. Монаху обязательно нужно болеть»¹⁵.

Но, пожалуй, еще большим испытанием была необходимость ухаживать за больным братом – иеромонахом, впоследствии архимандритом Сергием. Подвиг ухода за больным – высочайший подвиг и архиепископ Серафим нес его практически в одиночестве. Согласно Евангелию, служащий больным оказывает благодеяние Самому Господу (Мф. 25.36). О трудности этого служения говорит то, что даже преподобный Досифей, вошедший в историю как образец смирения и послушания, работая в монастырской лечебнице, иной раз впадал в гнев¹⁶. О. Сергей часто страдал от сильной головной боли и других болезней. В таких случаях он постоянно требовал от своего брата молитв. Духовная дочь архиепископа Серафима монахиня Касиния (Везенкова) рассказывала, что о. Сергей постоянно просил брата служить молебны, а если боль не проходила, то порицал его, как плохого молитвенника. Архиепископ Серафим говорил монахине Касинии:

«Измучился я скорбями всевозможными и сегодня даже плакал. Нет просвета. И молюсь, молюсь, молюсь, а скорби все увеличиваются».

«Я... с юности и до сего дня в скорбях от тяжелой болезни брата и его тяжелого характера – всегда кого-нибудь ругает. А я строго не могу с ним поступать, ибо это противно моему характеру».

Ночные молебны вредили здоровью архипастыря. В 1944 г. врач предупредил иерарха, что если он не будет спать по ночам, то может умереть. В одном из писем архипастырь даже высказал мысль, что необходимо разъехаться с о. Сергием, так как терпеть его уже нельзя. Однако владыка отказался от переезда и до конца дней своих ухаживал за ним и терпел его. Отец Сергей умер всего за год до смерти самого архиепископа Серафима.

Но все эти подвиги, аскетизм без любви, по мысли апостола Павла ничто (1 Кор. 13. 1 – 3). Отношение архипастыря к ближнему показывало, сколь важной считал он любовь.

«Стараюсь почти не думать о себе, - писал иерарх. - Старайся и ты. Настоящую любовь приобретешь тогда, когда отбросишь себялюбие».

«Выслушивай людей, а о себе (своих болезнях и скорбях) не говори!»

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 252-б. Л. 144 об.

¹⁵ Николай (Шелехов), иером. Записи // Архив А. Бойкиковой.

¹⁶ См.: Жития святых. Месяц февраль. Издание Введенской Оптиной пустыни. 1993. С. 341.

«Ничто так меня не огорчает, как огорчительные слова, сказанные ближним, пусть даже по необходимости»¹⁷.

Но как себя вести, если сталкиваешься с грехом? Записи архиепископа дают на это ответ. Архипастырь говорил:

«В брате надо видеть Ангела, а на его грех надо смотреть как на болезнь».

«Надо отделять человека от греха. Грех можно ненавидеть, а человека мы должны любить и жалеть».

Наверное, именно поэтому, архиепископ Серафим, опровергавший ложные мнения, зарождавшиеся в богословии, никогда не призывал к осуждению протоиерея С. Булгакова за его софианское учение и митрополита Антония (Храповицкого) за учение об искуплении.

«Если Господь такой же добрый, как владыка, мне не страшно умирать», - сказала одна эмигрантка, впервые посетившая архипастыря.

Но было бы неправильно считать, что архиепископ Серафим снисходительно относился ко греху. Епитимии своим духовным чадам он назначал и порой бывал строг. Одна духовная дочь вспоминала, что архипастырь назначил ей епитимию за некую вольность в отношении с мужчиной. Чуть позже владыка иронично писал ей: «Довольно – отговорилась и отулыбалась и отлюбезничалась. Теперь не миндальничай, не лимонничай, не апельсинничай».

Архипастырь всегда поминал своих врагов на проскомидии. Сестры Покровского монастыря донесли до нас сведения о последних днях жизни архиепископа. Перед смертью, он ненадолго пришел в сознание. В это время к его одру подошел человек, который всю жизнь огорчал его. Собрав все силы, иерарх приподнялся, крепко обнял этого человека и снова потерял сознание¹⁸.

Молитва

Молитва в жизни архипастыря значила многое, и без нее справиться со скорбями было бы невозможно.

Оказавшись в самом центре гражданской войны в Болгарии, епископ Серафим постарался сохранить свою паству. Понимая, что русские беженцы могут попасть под каток репрессий, он полностью отошел от политической деятельности и постарался направить жизнь паствы в духовное русло. Никольский храм стал островом покоя и молитвы.

Любимым местом архипастыря был монастырь святого Иоанна Рыльского. В конце августа 1921 г. он впервые посетил эту обитель для поклонения мощам преподобного. В этом монастыре после молитвы святому Иоанну, епископ Серафим начал писать ему акафист, который был закончен через год.

Архипастырь был убежден, что без молитвы не удастся никакое дело.

---

¹⁷ Касиния (Везенкова), мон. Записи // Архив А. Бойкиковой.

¹⁸ Духовные чада о владыке Серафиме // *Серафим (Соболев), архиеп.* Проповеди. София, 1998. С. 10.

Рассказывая духовному чаду о своей работе над книгой «Новое учение о Софии Премудрости Божией», иерарх говорил, что постоянно ощущал помощь Божию. В другом письме архипастырь сказал: «Все мои книги – плод моих усердных молитв Матери Божией»¹⁹.

Архиепископ Серафим чувствовал близость Бога, Его присутствие. «Господь близко; если позовешь Его, Он сразу откликнется», – говорил он²⁰.

Иерарх творил Иисусову молитву. Тесные связи установились у архипастыря с монахами Святой Горы Афон, в основном из Андреевского и Ильинского скитов. Среди этих старцев были архимандриты Иустин, Митрофан и Иоанн. Духовную связь иерарх поддерживал и со старцами скита Каруля – одного из самых строгих и труднодоступных скитов. На Святой Горе хорошо знали архипастыря. Когда русские афонские монахи проезжали через Болгарию, они всегда ночевали у владыки Серафима, а также часто посещали его для духовной беседы. После отъезда архиепископа Феофана во Францию владыка Серафим исповедался у святогорцев. Один из них, иеросхимонах Кассиан, часто ездил через Болгарию в Прикарпатье, где был духовником одного из монастырей²¹.

По свидетельству иеромонаха Николая (Шелехова) старец Кассиан говорил духовным детям архипастыря: «Ваш владыка – святой жизни. Никогда больше не встречал таких архиереев!»²²

Но особенно близким архиепископу Серафиму стал Афонский старец иеросхимонах Лот из Крестовоздвиженского скита. У него архипастырь исповедался в течение многих лет.

Молитва не оставалась без ответа, случаев молитвенной помощи иерарха при его жизни было немало. Архимандрит Пантелеимон (Старицкий) писал, что молитва архиепископа возвращала к жизни безнадежно больных²³.

Такое общение с Богом, общение как бы лицом к лицу, было присуще архипастырю до конца его дней.

Пастырское служение пока еще не стало темой отдельных научных изысканий. Однако представляется бесспорным, что исследования, посвященные пастырскому служению архипастыря – дело ближайшего будущего.

Монахиня Евстафия (Морозова),

насельница Александро-Невского Ново-Тихвинского монастыря

¹⁹ Касиния (Везенкова), мон. Записи // Архив А. Бойкиковой.

²⁰ Духовные чада о владыке Серафиме // Серафим (Соболев), архиеп. Проповеди. София, 1998. С. 8.

²¹ Кратък животопис на Светител Серафим, архиепископ Богучарски, Софийски чудотворец // Православно слово. 2002. № 1–2. С. 6 – 7.

²² Николай (Шелехов), иером. Записи // Архив А. Бойкиковой.

²³ Жизнь, чудеса и заветы архиепископа Серафима (Соболева). София, 2001. С. 31.

Христианское осмысление подвига верных царских слуг.

Малоизвестные документы и новые источники

В 1920-е годы близко знавший Царственных Страстотерпцев корнет С. В. Марков писал: «Я считаю своим долгом глубоко преклониться перед светлой памятью тех, кто не на словах, а на деле запечатлел свою преданность Царской семье. Они пошли за своим повелителем в изгнание и кровью своей доказали свою преданность и верность ему. <...> *Больше сея любви никтоже имеет, да кто душу свою положит за други своя*^{24, 25}».

Почитая сегодня святых Царственных Страстотерпцев, мы не должны забывать и тех людей, которые добровольно разделили с ними заключение и смерть. Несмотря на то, что эти люди принадлежали к разным сословиям, имели разный уровень образования и воспитания, их всех объединяла вера в Бога, верность своему долгу и преданность Государю.

В настоящее время по благословению митрополита Екатеринбургского и Верхотурского Кирилла членами комиссии по канонизации святых Екатеринбургской митрополии производится сбор сведений о верных царских слугах, убиенных в Екатеринбурге и Перми в 1918 году. Свою задачу члены комиссии видят в объективном рассмотрении жизни и деятельности царских слуг в контексте исторических событий, а также в христианском осмыслении их подвига.

Одним из направлений деятельности нашей комиссии является составление жизнеописаний тех, кто пострадал в годы гонений на Церковь. В основу этого положен принцип использования максимального количества различных исторических источников. Это включает в себя работу по выявлению документов, связанных с деятельностью того или иного лица, их сбор, систематизацию, интерпретацию, изучение и использование. Прежде всего, мы ищем метрические записи о рождении, венчании, смерти как самого пострадавшего, так и его родителей, детей и ближайших родственников. Затем — послужные или формулярные списки, приказы по основной деятельности, служебную переписку, личные письма, дневники, записные книжки, фотографии. Мы разыскиваем родственников репрессированных людей и собираем их воспоминания. Найденные

---

²⁴ Ин. 15, 13.

²⁵ Марков С. В. Покинутая Царская семья. 1917–1918. Царское село — Тобольск — Екатеринбург. М.: Паломник. 2002. С. 469.

документы стараемся оценивать с точки зрения их достоверности, анализировать, сопоставлять с другими материалами и только тогда использовать для составления жизнеописания. Такой подход дает возможность представить жизненный путь новомученика более объективно, а также ввести в научный оборот найденные исторические источники.

В настоящем докладе нам хотелось бы сообщить о новой информации, которую удалось найти при работе над составлением жизнеописаний царских слуг, а также обозначить некоторые сложности в поиске и использовании источников. Речь пойдет о сборе материалов относительно доктора Е. С. Боткина, князя В. А. Долгорукова, графини А. В. Гендриковой, комнатной девушки А. С. Демидовой и повара И. М. Харитонова.

На сегодняшний день наибольшее количество документов собрано о жизни и деятельности лейб-медика императора Николая II Евгения Сергеевича Боткина. Это стало возможным благодаря тому, что изучением его жизненного пути серьезно занимаются несколько исследовательских групп Санкт-Петербурга. Еще в 2007 году под руководством исследовательницы Ольги Тимофеевны Ковалевской сложился небольшой, но деятельный коллектив почитателей и исследователей жизни доктора Боткина. Труды О. Т. Ковалевской были подготовлены и изданы книги: «Царский лейб-медик» — о Евгении Сергеевиче Боткине; и «С Царем и за Царя. Мученический венец Царских слуг» — обо всех четырех слугах, погибших с Царской семьей в подвале дома Ипатьева.

Санкт-Петербургское отделение общества Российского Красного Креста под руководством Лидии Павловны Шинкаревой вот уже несколько лет осуществляет проект «Возрождение и возвращение имени Е. С. Боткина в Россию». В июне 2010 года по инициативе Общества была проведена Первая международная конференция, посвященная 145-летию со дня рождения Е. С. Боткина.

Научная и педагогическая деятельность доктора Е. С. Боткина в императорской Военно-медицинской академии стала предметом исследования профессора Виктора Сергеевича Никифорова²⁶. В июне 2015 года при его участии одна из секций IV Всероссийского межрегионального конгресса «Балтийский медицинский форум», проходившего в Санкт-Петербурге, была посвящена 150-летию со дня рождения Е. С. Боткина. «В нынешнее время пример доктора Е. С. Боткина может иметь большое значение в духовно-нравственном становлении молодых поколений медицинских работников»²⁷, — сказано в материалах конференции.

---

²⁶ Профессор Северо-Западного государственного медицинского университета им. И. И. Мечникова, Санкт-Петербург.

²⁷ Материалы секционного заседания «Исторические этапы деятельности Евгения Сергеевича Боткина» IV Всероссийского ежегодного межрегионального конгресса «Балтийский медицинский форум» / под редакцией профессора В. С. Никифорова. СПб.: Издательство «КультИнформПресс», 2015. С. 2

И наконец, молодой исследователь Федор Ильич Ильин провел значительную работу по изучению гимназических лет Евгения Боткина. Особенно ценными являются, на наш взгляд, найденные им сведения об имени Боткиных в Финляндии и о построении там храма.

Все вышеперечисленные исследователи с готовностью откликнулись на просьбу Екатеринбургской комиссии по канонизации святых о помощи и оказали содействие в сборе материалов. Полученные сведения были объединены и систематизированы; был также организован поиск новых документов.

При изучении биографии Е. С. Боткина нам встретились различные мнения о происхождении и вероисповедании его родственников. Одни называли их выходцами из крестьян, другие — из посадских людей; что касается вероисповедания его родственников, то было высказано мнение, будто бы они были старообрядцами. Весьма важными источниками для выяснения этих вопросов стали метрические книги. В архивном фонде Псковской духовной консистории сохранились исповедные росписи и метрические книги православной церкви во имя святого пророка Божия Илии города Торопца Псковской губернии. В них имеются сведения о деде, прадеде, прапрадеде и других родственниках Евгения Сергеевича. Из этих документов выяснилось, что прапрадед Е. С. Боткина Афанасий Кузьмич Боткин происходил из посадских людей г. Торопца, но уже к 1769 году стал купцом. Сохранилась запись о крещении 15 мая 1781 года Петра Кононовича Боткина (деда Евгения), который заложил благосостояние семьи, организовав чайную торговую фирму. В ней сообщалось о том, что родителями младенца были «купец Конон Афонасьев сын Боткин и Евдокия Димитриева»²⁸, воспитателями стали «оной Ильинской церкви священника Иоанна Иванова сын Николай Иванов и означенных родителей дочь девица Анна Кононова»²⁹, а таинство крещения совершил священник Иоанн Иванов. Сохранилась также запись о погребении 14 января 1788 года торопецкого купца Конона Афонасьевича Боткина, которому было на тот момент 57 лет. Таким образом, очевидно, что ближайшие родственники Евгения Сергеевича были православного вероисповедания и происходили из посадских людей, ставших впоследствии купцами.

На сайте Центрального государственного исторического архива в Санкт-Петербурге (ЦГИА СПб.) размещены все метрические книги, которые хранятся в этом архиве, и за небольшую плату с ними можно работать со своего компьютера. К сожалению, сохранность метрических книг далеко не полная, однако в них удалось найти документы о рождении, венчании и разводе самого доктора Е. С. Боткина, венчании его родителей, крещении ближайших родственников, рождении и смерти первого сына. Кончина первенца вызвала у Евгения Сергеевича, как известно, сильные душевные

---

²⁸ ГАПО. Ф. 39. Оп. 20. Д. 181. Л. 86 об.

²⁹ ГАПО. Ф. 39. Оп. 20. Д. 181. Л. 86 об.

переживания и способствовала укреплению его веры. Он сам писал о том, что после этого стал заботиться больше «о Господнем»³⁰. Теперь мы имеем и документальное подтверждение этих слов: его сын Сергей действительно скончался на шестом месяце жизни от воспаления мозговой оболочки. На третий день младенца отпели во Владимирской церкви и похоронили на кладбище Воскресенского Ново-Девичьего монастыря.

Итак, найденные в ЦГИА СПб. документы свидетельствуют о том, что доктор Евгений Сергеевич Боткин родился и вырос в православной семье и всю свою жизнь до мученической кончины оставался верным чадом Русской Православной Церкви.

Из значимых для исследователей документов, касающихся его родственников, можно упомянуть об архивном деле на получение Петром Кононовичем Боткиным звания потомственного почетного гражданина³¹ и о послужном списке Петра Петровича Боткина, который был крестным отцом Евгения³². В них содержатся важные биографические данные, позволяющие исправить существующие неточности в публикациях о династии Боткиных.

Огромное значение для изучения деятельности какого-либо лица имеют его послужные списки и приказы по работе. К настоящему времени выявлено несколько послужных списков Евгения Сергеевича Боткина, которые дополняют друг друга. Ценнейшие сведения о начале его врачебной деятельности содержатся в архивном деле «О службе сверхштатного врача Евгения Сергеевича Боткина»³³ фонда Санкт-Петербургской Мариинской больницы для бедных ЦГИА СПб. В нем есть его послужной список за 1890 год, прошения о поступлении на службу в Мариинскую больницу, о вступлении в брак, о поездке за границу с научной целью, характеристики руководства и другие интересные документы. В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) находится на хранении автобиография³⁴, составленная самим Е. С. Боткиным при подаче документов на соискание звания приват-доцента Военно-медицинской академии.

В фондах Министерства императорского двора Российского государственного исторического архива (РГИА) имеются документы, связанные с назначением Евгения Сергеевича лейб-медиком Государя: его послужной список, приказ о назначении, подписанный Императором, паспортные книжки супругов Боткиных и другие. Эти документы подтверждают информацию о том, что кандидатура нового лейб-медика была выбрана самой Императрицей. Так, например, гофмаршал граф

---

³⁰ Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина / сост. О. Т. Ковалевская. СПб.: «Царское дело», 2014. С. 496.

³¹ РГИА. Ф. 1 343. Оп. 39. Д. 5 850.

³² Формулярный список о службе... Петра Петровича Боткина за 1885 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 435. Д. 930. Л. 1 об.

³³ ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 246.

³⁴ РГВИА. Ф. 316. Оп. 40. Д. 2 904. Л. 1–3.

П. К. Бенкендорф сообщал 6 апреля 1908 года: «Государыня Императрица Александра Феодоровна желает, чтобы ко дню Св. Пасхи почетный лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин был бы назначен лейб-медиком на место покойного Г. И. Гирша»³⁵. А из указа самого Императора Николая II можно узнать, что назначение действительно состоялось в день Пасхи 13 апреля 1908 года: «Главного врача общины сестер милосердия св. Георгия... статского советника Евгения Боткина Всемилостивейше назначили мы нашим лейб-медиком»³⁶.

Ценными источниками, дающими представление о методах лечения доктора Е. С. Боткина, являются его записные книжки, материалы из которых также не введены еще в научный оборот. К настоящему времени выявлено несколько записных книжек врача — за время его студенческой жизни и за период с 1913 по 1918 годы. На основании новых документов можно прояснить вопрос о тех способах лечения, которые применял доктор Боткин в отношении Царевича, Императрицы и Великих княжон, а также других пациентов. Так, например, доктор Боткин в 1913 году после травмы в Спале рекомендовал Царевичу принимать грязевые ванны. И в своих записных книжках он фиксировал процесс и результаты лечения. По этим записям можно проследить, насколько эффективны были применяемые методы.

Однако, кроме биографических данных, нам важно было найти документы о духовной жизни как членов семьи Боткиных, так и самого Евгения Сергеевича. Ценным документом в этом отношении является архивное дело «О постройке домово́й церкви в имении Култилла в Финляндии..., принадлежащей тайному советнику С. П. Боткину»³⁷, хранящееся в ЦГИА СПб.

У Сергея Петровича Боткина была дача в Гатчине, где семья имела возможность посещать православные храмы. Однако в начале 1880-х годов он купил в Финляндии мызу Култилла³⁸, поблизости от которой не было ни одной церкви. Поэтому сразу же после приобретения усадьбы Сергей Петрович приступил к строительству домово́й церкви. В прошении к архиерею он писал: «Так как по финляндским законам всякий землевладелец имеет право строить на своей земле что ему угодно, то я, в купленном мною имении Култилла... затеял построить православную церковь, ввиду того что кругом меня мызы принадлежат все больше русским владельцам, и между тем нигде вокруг не имеется русской церкви»³⁹. Документы дела позволяют сделать вывод о том, что в семье профессора С. П. Боткина православному богослужению и религиозному воспитанию детей уделялось большое внимание. Благодаря исследованиям студента Юридической академии

³⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 74. Л. 2.

³⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 74. Л. 16.

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 74. Д. 8.

³⁸ Мыза — отдельно стоящее имение, хутор. Ныне поселок Тарасово Выборгского района Ленинградской области.

³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 74. Д. 8. Л. 1.

Федора Ильича Ильина удалось найти место, где стояла домовая церковь Боткиных в честь святых апостолов Петра и Павла. Сейчас на этом месте находится заброшенный скотный двор. Уже в течение нескольких лет по инициативе исследователей ведется переписка с органами государственной власти о необходимости спасения от разрушения остатков имения Боткиных, создания там музея и восстановления храма.

Ценнейшими историческими источниками, раскрывающими духовную жизнь Е. С. Боткина, являются также его письма. Доктор Боткин писал много, однако значительную часть писем уничтожили в Тобольске его дети Татьяна и Глеб, опасаясь репрессий. Глеб Боткин писал: «В течение часа моя сестра и я были заняты сжиганием всех писем и бумаг от Императорской семьи и от моего папы — все они были бесценными документами. Глядя на них, сгорающих в пламени, нам обоим хотелось плакать. Но мы чувствовали, что это лучше, чем позволить красным читать эти очень личные письма и записки»⁴⁰. Татьяна же, после развода с мужем Константином Мельником, сожгла также письма Евгения Сергеевича к ее бывшему супругу, поскольку посчитала их содержание «слишком личным»⁴¹. Отрывки из писем отца к сыновьям Татьяна Евгеньевна напечатала в своей книге «Воспоминания о Царской семье и ее жизни до и после революции». Часть эпистолярного наследия Е. С. Боткина опубликована в книге О. Т. Ковалевской «Царский лейб-медик». Корреспонденция Евгения Сергеевича, которая была найдена среди его бумаг в Ипатьевском доме, сейчас находится в фонде № 740 Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Многие из его писем никогда не публиковались. В настоящее время членами Екатеринбургской комиссии по канонизации святых производится их расшифровка.

Переписка заменяла Евгению Сергеевичу и его детям личное общение. Доктор Боткин писал: «Так много хочется и нужно сказать Вам, мои драгоценные мальчики... хоть ежедневными письмами, когда не можешь прийти [к вам] на “посиделки“ и “поболталки“»⁴². В письмах они рассказывали друг другу о том, как проводят время, делились своими наблюдениями, переживаниями, скорбями, обсуждали прочитанные книги. В письмах Евгения Сергеевича часто встречаются размышления о вере и о христианских добродетелях. Особенно интересны письма, написанные в Тобольске и Екатеринбурге. Они также находятся в 740 фонде ГАРФа. Именно эти письма стали основным источником, раскрывающим внутреннее состояние Е. С. Боткина в тяжелый период заключения.

Евгений Сергеевич относился к происходившему вокруг него без ропота или раздражения, он не жаловался ни на условия проживания, ни на климат,

---

⁴⁰ Gleb Botkin. The real Romanovs as revealed by the late Czar's physician and his son. NY, 1931. P. 216.

⁴¹ Выступления участников конференции: Катерина Мельник-Дюамель, дочь Константина Константиновича Мельник-Боткина // Материалы конференции, посвященной 145-летию Е. С. Боткина. С. 28.

⁴² ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 100. Л. 13.

ни на грубость охранников, а сохранял благодушие и даже находил поводы для радости. Доктор Боткин писал, что ему нравится город Тобольск, который он называет «богобоязненным городом»⁴³, так как «на 2200 жителей здесь 27 церквей и все такие старинные, красивые»⁴⁴.

«А какая милая комната у меня, если бы ты только видел, и как в ней хорошо!»⁴⁵, — писал он сыну Георгию.

А в другом письме он замечал: «Удивительно красиво здесь умеет окрашиваться небо»⁴⁶. И далее писал: «Такая красота, что трудно оторваться: слева зеленеет... край городского сада, за которым уютно смотрит на меня, лишь с одного края прикрытый деревьями, аппетитный простой двухэтажный белый дом»⁴⁷.

Интересно сопоставить эти письма с воспоминаниями других лиц об этом же периоде. Так, например, про «милую комнату» дочь Татьяна рассказывала, что она была «маленькой, проходной и солдаты беспрерывно ходили мимо»⁴⁸. Зимой температура в доме, и в комнате доктора, опускалась до +9°. Глеб Боткин в своей книге так описывал свою жизнь в тех условиях: «К тому времени сибирская зима полностью держала нас в своих ледяных тисках. <...> Ни стены, ни печи не могут оградить от этого холода. Дрожишь от холода, когда просыпаешься, дрожишь от холода весь день, дрожишь от холода, ложаешься в постель, продолжаешь дрожать от холода во сне. Невыносимый холод создает впечатление, будто ледяные руки некоего невидимого чудовища охватили твои ребра и впиваются в тело до боли в каждой кости и мышце. Ты не можешь работать, ты не можешь даже думать, а только сидишь в отчаянии, уверенный, что никогда больше не сможешь свободно дышать. Кратко сказать, во время сибирской зимы ты больше не живешь, а просто существуешь, в некоем морозном оцепенении»⁴⁹. А его отец говорил о времени, прожитом в Тобольске вместе со своими детьми, с любовью и глубокой благодарностью Богу. В предсмертном письме Е. С. Боткина есть такие слова: «И Бог благословил мои труды, и я до конца своих дней сохраню это светлое воспоминание о своей лебединой песне. Я работал изо всех своих последних сил, которые неожиданно разрослись там, благодаря великому счастью совместной жизни с Танюшей и Глебушкой, благодаря хорошему, бодрящему климату и сравнительной мягкости зимы и благодаря трогательному отношению ко мне горожан и поселян»⁵⁰. Такое светлое мировосприятие может свидетельствовать о глубокой внутренней жизни человека.

⁴³ ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 111. Л. 27.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 111. Л. 27.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 111. Л. 28 об.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 111. Л. 28.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 111. Л. 28.

⁴⁸ Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина. С. 350.

⁴⁹ Gleb Botkin. The real Romanovs as revealed by the late Czar's physician and his son. P. 165.

⁵⁰ Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина. С. 497.

Как видно из писем, Евгений Сергеевич постоянно молился о себе, о детях, о Родине: «Какие пожелания высказать мне ко дню твоего Ангела? — писал он Георгию, — Боже мой! Их столько, и вместе с тем они все сводятся к нескольким молитвенным словам, которые я по столько раз на дню в душе обращаю к Богу: “Не покидай их!”. Но не покинул ли Он уже нашу Родину?... А я еще верю, что Бог не покинул Россию»⁵¹.

«Поддерживает только молитва и горячее безграничное упование на милость Божию, неизменно нашим Небесным Отцом на нас изливаемую»⁵², — откровенно сообщал он в другом письме.

Исследование писем Евгения Сергеевича дает представление об его христианском отношении не только к близким людям, но и к охранникам, надзирателям. Показателен такой случай, о котором удалось узнать также из корреспонденции доктора, которая находится на хранении в ГАРФе. В городе ему удалось купить очень хорошую двуспальную березовую кровать, а также матрас к ней. Он с юмором говорил, что «нежно полюбил»⁵³ эту кровать и она его «в известный момент влечет к себе неудержимо»⁵⁴. В нескольких письмах он делился радостью по поводу удачной покупки со своими детьми, размышляя о том, кому ее лучше предложить: Татьяне или Глебу, когда они приедут. Однако когда он узнал, что комиссару В. С. Панкратову из-за неожиданного приезда не на чем спать, то, не раздумывая, отдал эту кровать комиссару, из-за которого и Царская семья, и он сам подвергались различным притеснениям.

В тобольской ссылке Евгений Сергеевич еще сильнее прилепился сердцем к Богу. В одном из писем он писал сыну Юрию, что порой даже думает об уходе в монастырь: «А если б вас (детей. — *Сост.*), не дай Бог, у меня не стало, — поступил бы здесь в какой-нибудь монастырь»⁵⁵. Эти слова свидетельствуют о глубокой сердечной вере Е. С. Боткина и его желании служить Господу.

Кроме архивных материалов при составлении жизнеописания были широко использованы опубликованные источники: дневники, мемуары, сборники документов, переписка, воспоминания организаторов, участников и свидетелей убийства Царской семьи. В особенности интересными оказались воспоминания Глеба Боткина, изданные только на английском языке, и Петра Боткина — на французском.

Таким образом, на основе целого комплекса исторических источников составлено жизнеописание Е. С. Боткина, в котором подробно рассмотрены все этапы его жизни: жизнь в семье и религиозное воспитание, учеба в гимназии, университете. В соответствии с послужным формуляром

⁵¹ ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 111. Л. 25 об.

⁵² ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 111. Л. 35.

⁵³ ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 112. Л. 29.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 112. Л. 29.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 111. Л. 27.

полностью раскрыта его врачебная деятельность, его поведение во время русско-японской войны и деятельность в период Первой мировой войны. В новом жизнеописании Е. С. Боткина освещена его деятельность, касающаяся лечения Императрицы Александры Феодоровны и Цесаревича Алексея Николаевича, рассмотрено отношение к Г. Е. Распутину. Подробно изложено и его поведение при добровольном заключении с Царственными узниками: сначала в Александровском дворце, затем в Тобольске и Екатеринбурге, отмечено его христианское отношение к переживаемым событиям.

Достаточно большой комплекс документов сохранился также относительно жизни и деятельности гофмаршала Императорского двора генерал-майора князя В. А. Долгорукова.

Так, в архиве Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле среди документов «тобольского» периода жизни Царской семьи встретилось довольно большое количество деловой и личной переписки князя, документы, связанные с его родовым имением в Смоленской губернии, счета, расписки и т. п. В архиве имеются также приказы по Гофмаршальской части, среди которых есть и приказ о назначении князя В. А. Долгорукого на должность гофмаршала в 1914 году, а также много документов, связанных с пребыванием Царской семьи и ее верных слуг в Тобольске.

Большое количество писем князя В. А. Долгорукого 1915–1918 годов удалось найти в архиве Гуверского университета в США. Написаны они на русском и французском языках и адресованы его отчиму — обер-гофмаршалу Императорского двора графу Павлу Константиновичу Бенкендорфу — и матери — графине Марии Сергеевне Бенкендорф (по первому браку — княгине Долгоруковой). В 1921 году Бенкендорфам удалось выехать из советской России. Граф Павел Константинович скончался от разрыва сердца сразу же после пересечения границы — в Нарве, а его супруге, матери князя В. А. Долгорукова, удалось эмигрировать во Францию⁵⁶. Видимо, именно ею была сохранена корреспонденция сына.

Особенно ценны, конечно, письма, посланные им из Тобольска, которые являются своеобразной летописью событий того периода. В них он описывает жизнь узников в Сибири, мужественное перенесение трудностей и скорбей, а также их глубокие сердечные переживания о том, что происходило тогда в России. В целом его письма к матери и отчиму проникнуты верой в Бога и надеждой на Его всемогущее заступление. Интересно, что о своей духовной жизни он писал в основном матери, которая, видимо, была для него наиболее близким человеком. Поэтому письма В. А. Долгорукова к матери стали очень важным источником, из которого были получены сведения об искренней вере Василия Александровича и его благочестивой жизни. «Я молю Бога о помощи во всем

---

⁵⁶ Скончалась она в 1936 году в Ницце и похоронена на русском кладбище Кокад.

и часто думаю о тебе»⁵⁷, — писал он матери, например, 28 августа. «Я внутренне уравновешен и спокоен, Бог мне помогает, но я не знаю, что произойдет, и мы должны полагаться на благодать Божью, — делился он с ней же своими размышлениями 20 ноября. — ...Только Бог знает, что произойдет дальше; необходимо много мужества и много молитв»⁵⁸. «Я часто испытываю тревогу, особенно за будущее... — откровенно писал он графине Марии Сергеевне в январе. — Только Бог может помочь... Пусть Бог позаботится о вас»⁵⁹. «Сохрани вас Господь... Да хранит вас всех Бог», — так обыкновенно заканчивал он свои письма отчиму.

Из его собственных писем, из дневниковых записей членов Царской семьи и свиты, видно, что и во время добровольного заключения в Тобольске князь старался верой и правдой служить Августейшим узникам: делил с ними досуг, беспокоился об условиях проживания и оплате служащих, о хозяйстве семьи. Неоднократно он обращался за денежной помощью к своей матери и отчиму, просил ходатайства последнего о нуждах узников, сообщал им о трудностях.

Но главную скорбь и страдание причиняли членам Царской семьи и свиты, конечно, события, которые совершались в то время в России: разложение армии, захват власти большевиками, заключение унижительного Брест-литовского договора. Дневники, переписка Царственных страсотерпцев, мемуары свидетельствуют о том, что Государь крайне страдал от происходившего. Своими сердечными муками он делился с близкими ему людьми, в том числе, с князем В. А. Долгоруковым. В обнаруженных в архиве Гувверского университета письмах князь писал своей матери об Императоре так: «Он все такой же; страдая душою, не скрывает своего отношения ко всему происходящему, но все же сумел сохранить свое очарование и дружелюбие»⁶⁰.

Сам князь, как истинный патриот и гражданин, конечно, также испытывал глубокие страдания из-за совершившегося. «Истинные патриоты не могут не страдать в такое время»⁶¹, — писал Василий Александрович отчиму. «Я не буду говорить о мирном договоре. Сердце обливается кровью»⁶².

Лишь вера и молитва подлинно помогали узникам переносить все лишения и нравственные страдания. Главным утешением были для них богослужения, молитва, участие в Таинствах исповеди и святого причащения. Уже в первом сохранившемся письме из Тобольска, от 14 августа 1917 года, князь сообщал родным, что рядом с домом находится

---

⁵⁷ Письмо матери от 28 августа 1917 года. Перевод с фр.

⁵⁸ Письмо матери от 20 ноября 1917 года. Перевод с фр.

⁵⁹ Письмо матери от 20 января 1918 года. Перевод с фр.

⁶⁰ Письмо, написанное в декабре 1917 года (без точной даты). Перевод с фр.

⁶¹ Письмо отчиму от 8 декабря 1917 года.

⁶² Письмо отчиму от 15/28 марта 1918 года.

церковь Благовещения — «очень старая, Елисаветинского времени, и внутренность очень красивая»⁶³. Тем не менее, сначала в церковь ходить не разрешалось: богослужения совершались на дому. Лишь 8 сентября, в праздник Рождества Пресвятой Богородицы, как писал Василий Александрович родным, в первый раз было разрешено выйти в Благовещенский храм. Описывал он и то, как в Тобольске все вместе семейному отмечали Рождество. Желая поблагодарить и порадовать тех, кто сохранил к ним любовь и верность, Императрица и дочери лично приготовили им небольшие подарки. «После вечерни Она⁶⁴ подарила мне подушку, сшитую ею самой, Библию, и мешочек, сшитый детьми. <...> Это было очень трогательно»⁶⁵, — отмечал Василий Александрович.

Сообщал он близким и о том, что во время Великого поста члены Царской семьи и их верные подданные усердно говели, посещали все богослужения, готовились к исповеди и Святому Причащению. Во вторник первой седмицы Василий Александрович писал родственникам: «Мы молились всю эту неделю и сердцем я полностью с вами. Подумайте обо мне сегодня и простите меня. Нам разрешается ходить в церковь в среду, пятницу и в субботу с утра. В другие дни богослужение проходит в зале большого дома. Семья (дамы) составила хор»⁶⁶. В пятницу же все, в том числе и князь В. А. Долгоруков, исповедовались, а на следующий день приобщались Святых Таин.

Содержатся в его письмах и свидетельства о высокой христианской настроенности членов Царской семьи, сохранявших и в суровых условиях заключения бодрость и душевный мир. «Сейчас они очень спокойны и ласковы; нам часто очень больно за них. Дети добры и терпеливы — паразитальная выносливость»⁶⁷, — писал он.

Можно отметить, что письма В. А. Долгорукова стали для нас особенно ценным источником еще и потому, что в них были обнаружены важные сведения также о генерале И. Л. Татищеве, графине А. В. Гендриковой, поваре И. М. Харитонове и других слугах.

В процессе работы по сбору материалов были найдены документы о служебной деятельности князя В. А. Долгорукова и в российских архивах. Так, в РГВИА сохранился его послужной список⁶⁸, по которому мы смогли уточнить многие даты и факты его биографии, выявить содержащиеся в некоторых изданиях неточности и дополнить информацию. В РГИА также имеются отдельные документы о служебной деятельности его и его ближайших родственников⁶⁹. Там же сохранилось духовное завещание⁷⁰ его

⁶³ Письмо отчиму от 14 августа 1917 года.

⁶⁴ Имеется в виду Государыня.

⁶⁵ Письмо матери от 29 декабря 1917 года. Перевод с фр.

⁶⁶ Письмо матери от 6/19 марта 1918 года. Перевод с фр.

⁶⁷ Письмо матери от 2/15 апреля 1918 года. Перевод с фр.

⁶⁸ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 2 239.

⁶⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 35 (143-980). Д. 30. Оп. 44 (425-2195). Д. 95. Ф. 476. Оп. 1. Д. 434, 475, 2 088.

отца — князя А. В. Долгорукова, благодаря чему появилась возможность уточнить состав семьи Долгоруковых на 1870 год, место кончины отца и место его погребения. В ГАРФе имеются документы о последнем периоде жизни князя В. А. Долгорукова, в частности несколько его заявлений в Уральский областной совет с просьбой о переводе из тюрьмы в дом Ипатьева⁷¹.

Ценные сведения о благотворительности В. А. Долгорукова и его родного брата встретились нам в Смоленских епархиальных ведомостях конца XIX столетия. Дело в том, что в Смоленской губернии находилось их родовое имение, где в одном из селений — селе Чамово Ельнинского уезда — сестрой их деда княгиней Е. А. Долгоруковой была построена красивая трехпрестольная церковь в честь Сошествия Святого Духа. На ремонт этого храма и делали пожертвования братья. В описании села Чамово, составленном в 1904 году, говорилось, что церковь эта — «каменная, по сельской местности довольно замечательная по внешнему виду, а также и внутри отделана весьма великолепно»⁷².

Сложнее оказался поиск потомков и родственников князя В. А. Долгорукова. Известно, что ни он, ни его родной брат Александр Александрович никогда не были женаты и не имели детей. Однако у них было много родственников по линии их матери: потомков ее братьев и сестер. Кое-что узнать о них оказалось возможным из книги двоюродной сестры Василия Александровича княгини В. А. Долгоруковой «Времена Тройки. Россия 1885–1919», изданной в Париже в 1978 году⁷³, однако связаться с родственниками Долгоруковых, как и с некоторыми потомками родного брата графа П. К. Бенкендорфа, нам пока не удалось.

Все собранные материалы о князе В. А. Долгоруковом в настоящее время систематизируются, анализируются и используются для составления его полного жизнеописания⁷⁴.

Интересной, но не простой оказалась работа по сбору сведений о личной фрейлине Императрицы Александры Феодоровны графине А. В. Гендриковой, также добровольно разделившей с Царственными страстотерпцами их крестный путь и запечатлевшей свою верность им кровью.

Известно, что в 1918 году, после занятия Екатеринбурга частями белых и чешских войск, в помещении бывшего Волжско-Камского банка, где размещался Уральский областной совет, было найдено много личных вещей

---

⁷⁰ РГИА. Ф. 759. Оп. 61. Д. 69.

⁷¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 48.

⁷² Архивная справка № 7-1376 от 30. 11. 2015 г. из Государственного архива Смоленской области.

⁷³ Varvara Dolgorouki. Au temps des Troika. 1885–1919. Paris, 1978.

⁷⁴ За прошедшие годы было издано два его жизнеописания: Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников. М.: Издательство «Русский Хронограф», 2010; Жук Ю. А. Претерпевшие до конца. Судьбы царских слуг, оставшихся верными долгу и присяге. СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

графини, отобранных у нее при аресте: ее личные документы и вещи, дневники, переписка с членами Царской семьи и матерью, фотографии и т. п. Всего в описях ее вещей значилось 192 письма и записки, 91 письмо графини своей матери, 27 телеграмм Государыни и Царских детей, четыре открытки от великой княгини Елисаветы Феодоровны, а также пять писем самой графини на имя Государыни. Были упомянуты также пять ее дневников за 1913–1917 годы, фотоальбомы ее родственников и членов Царской семьи⁷⁵. К сожалению, в настоящее время местонахождение этих бесценных документов неизвестно, но мы надеемся, что, возможно, они все же сохраняются где-то в частных коллекциях и со временем будут вновь обретены.

До нас дошли лишь выдержки из ее дневников и переписки. Так, некоторые фрагменты ее дневниковых записей 1917 года были включены генералом М. К. Дитерихсом в его книгу «Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале»⁷⁶. Им же был осуществлен перевод некоторых писем и записок Императрицы 1912–1918 годов, адресованных А. В. Гендриковой. Эти тексты сохранились в печатном виде в одном из томов дела об убийстве Царской семьи, находящегося ныне на хранении в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в Москве. К настоящему времени эти переводы опубликованы⁷⁷. Дневник графини за 1918 год был включен в сборник документов «Гибель царской семьи», изданный сотрудником издательства «Посев» Н. Г. Россом в 1987 году.

Благодаря изучению этих источников стало возможным составить ясное представление о религиозной настроенности Анастасии Васильевны, ее глубокой вере и истинно христианском мироощущении. Например, за два дня до отъезда из Царского села вместе с Августейшими узниками в Тобольск она сделала в своем дневнике такую запись:

«Я не могу уехать отсюда, не возблагодаривши... Бога за тот чудный мир и силу, которую Он посылал мне и поддерживал меня за все эти почти пять месяцев ареста.

Какое чудное спокойствие на душе, когда можешь все и всех дорогих отдать всецело в руки Божьи, с полным доверием, что Он лучше знает, что кому и когда надо. Будущее больше не страшит, не беспокоит. Я так чувствую и так доверяюсь тому (и так это испытала на себе), что *по мере умножения в нас страданий Христовых, умножится Христом и утешение наше*⁷⁸. Если Он мне пошлет еще испытания и трудности в жизни, то даст

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 6. Л. 129–130, 195–196.

⁷⁶ Дитерихс М. К. Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. М.: Издательский Совет РПЦ; Изд-во «ДАРЪ», 2006.

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 6. См.: Наставник. Учитель Цесаревича Алексея Романова: дневники и воспоминания. М.: Патриаршее подворье храма-домового мц. Татианы при МГУ, 2013.

⁷⁸ См.: 2 Кор. 1, 5.

соответственно и больше сил. Надо только изо дня в день просить у Него Духа Святого и силы на предстоящий день.

Я знаю, что я ничто без помощи Божьей...: уныние, страх, малодушие овладевают мной, как только Божья благодать меня покидает, но я знаю, что это должно так быть временами, что это необходимое испытание, которое нужно стараться покорно и терпеливо вынести, и тогда опять находят светлые минуты, и я их жду и так верю, что они придут. У меня их так было много, что я знаю, что это только милость Божья не по моим заслугам... <...>

...Я закрываю глаза, отдаюсь всецело, без сомнений, вопросов или ропота в руки Божьи с доверием и любовью»⁷⁹.

Нужно отметить, что многие записи в ее дневниках посвящены ее матери — графине Софье Петровне. Однако до сих пор о ней почти ничего не было известно. В процессе поиска источников нам удалось связаться с родственницей Гендриковых, которая приходится внучатой племянницей графине Ольге Николаевне Гендриковой, супруге брата Анастасии Васильевны. Оказалось, что Ольга Николаевна оставила довольно подробные воспоминания на русском языке о семье Гендриковых и, в частности, о самой графине Анастасии Васильевне и ее матери Софье Петровне, о доме, в котором они жили в Санкт-Петербурге, об их родовом имении и т. п. Уже в наше время эти воспоминания были переведены на английский язык и опубликованы в 2012 году в Канаде в книге «A Countess in Limbo»⁸⁰. Из них нам удалось узнать много нового о родственниках Анастасии Васильевны, в особенности о ее матери, которая, как выяснилось, отличалась глубокой религиозностью.

Оказалось, что у Софьи Петровны была очень тяжелая судьба: в 35 лет (около 1895 года) она перенесла сложную операцию, после которой осталась инвалидом на всю жизнь. Около двадцати лет она была прикована к постели, при этом ей постоянно приходилось терпеть мучительные боли. Спальня ее напоминала собой часовню — она была вся заставлена иконами и лампадами. Около ее кровати стояла ширма, полностью покрытая образами. Под подушкой у нее всегда лежал большой железный крест, которым она благословляла близких.

Графиня Ольга Николаевна Гендрикова в своей книге вспоминала: «Когда я впервые увидела мою “belle-mère”⁸¹, я невольно вспомнила рассказ Тургенева “Живые мощи”. В ее бледном, почти бескровном лице, горели лишь глубоко впавшие, черные, живые глаза. Но как только она закрывала их, ее лицо делалось похожим на лицо мертвеца! Однако хотя физически она

---

⁷⁹ Отрывки из дневника А. В. Гендриковой // Наставник. Учитель Цесаревича Алексея Романова: дневники и воспоминания. М., 2013. С. 646–647.

⁸⁰ Hendrikoff Olga, countess. A Countess in Limbo: Diaries in War & Revolution; Russia 1914–1920, France 1939–1947. Canada: Engage Books Vancouver B.C., 2012.

⁸¹ Свекровь, теща (фр.).

была полным инвалидом, дух ее был необыкновенно бодр и силен»⁸². Из ее воспоминаний очевидно, что Софья Петровна была искренне верующим человеком, а многолетние страдания, которые она переносила, как бы отрезали ее и горячо ее любившую Анастасию Васильевну от мира со всеми его утешами, помогали углубляться в молитву и надеяться лишь на помощь Божию. Правда, при знакомстве с воспоминаниями графини Ольги Николаевны нужно иметь в виду и то, что сама она была в тот период, видимо, не особенно воцерковленной молодой девушкой, любившей светскую жизнь и различные развлечения, отчего в ее воспоминаниях иногда чувствуется даже несколько негативное или ироничное отношение к религиозности своей “belle-mère”. Но несмотря на это, сведения, которые содержатся в воспоминаниях Ольги Николаевны, представляют чрезвычайную ценность.

По документам Государственного архива Харьковской области удалось уточнить место рождения Анастасии Васильевны⁸³, а также родословную графов Гендриковых⁸⁴.

В документах, находящихся в РГИА, содержится информация о служебной деятельности ее отца — обер-церемониймейстера Высочайшего двора графа В. А. Гендрикова, а также об имуществе Гендриковых в Санкт-Петербурге и действительной помощи им Царской четы после внезапной смерти Василия Александровича в 1912 году. Там же сохраняются их некоторые личные письма⁸⁵.

Очень полезными в сборе информации о графах Гендриковых оказались также различные адрес-календари, адресные и справочные книги Харькова и Санкт-Петербурга, где они проживали.

Документы же, подтверждающие мученическую кончину графини А. В. Гендриковой, можно найти в РГАСПИ⁸⁶, ГАРФе⁸⁷ и Пермском государственном архиве новейшей истории⁸⁸.

В письмах из Тобольска князя В. А. Долгорукова, находящихся в архиве Гуверского университета США, и в воспоминаниях баронессы С. К. Буксгевден, опубликованных в книге «Жизнь и трагедия Александры Феодоровны», есть свидетельства о мирном и даже радостном состоянии духа графини А. В. Гендриковой в период заключения.

«Гендрикова старается быть радостной»⁸⁹, — писал в марте 1918 года

---

⁸² Hendrikoff Olga, countess. *A Countess in Limbo: Diaries in War & Revolution; Russia 1914–1920, France 1939–1947*. Canada: Engage Books Vancouver B.C., 2012. P. 27.

⁸³ ГАХО. Ф. 40. Оп. 113. Д. 227.

⁸⁴ ГАХО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8.

⁸⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 17. Д. 2 038. Оп. 16. Д. 2 279.

⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 6.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 49. Ф. 9 440. Оп. 1. Д. 1.

⁸⁸ ПермГАНИ. Ф. 90. Оп. 4. Д. 670.

⁸⁹ Письмо матери от 6/19 марта 1918 года. Перев. с фр.

князь В. А. Долгоруков своей матери в Петроград. «Гендрикова довольно спокойна, и опустошение ее дома в Петрограде ее не сильно впечатлило»⁹⁰, — сообщал он же в другом письме. А баронесса С. К. Буксгевден писала о том, что в заключении очень усилилась религиозная настроенность Анастасии Васильевны: теперь она была полностью погружена в духовную жизнь, полностью отстранилась от всех земных дел и интересов и много думала о смерти, «которая совершенно не приводила ее в ужас»⁹¹.

Подробные свидетельства о периоде ее пребывания в тюрьмах Екатеринбург и Перми, о мужественном поведении под арестом и перед самым расстрелом содержатся также в воспоминаниях камердинера Государыни Императрицы Александры Феодоровны А. А. Волкова⁹², княгини сербской Елены Петровны⁹³ и личного секретаря князя Императорской крови Иоанна Константиновича и княгини Елены Петровны С. Н. Смирнова⁹⁴. По их свидетельству, и в заключении Анастасия Васильевна сохраняла силу духа и даже радость, стараясь всегда подбадривать княгиню, унывавшую от разлуки с мужем.

На основе собранных материалов членами комиссии было составлено новое, более подробное, жизнеописание графини А. В. Гендриковой, в котором сделана попытка раскрыть все этапы ее недолгой жизни (она была убита в возрасте лишь 30 лет), показать ее религиозность, прояснить отношение к Г. Е. Распутину, а также приведены отзывы о ней членов Царской семьи, ее родных и сослуживцев, тех, кому довелось вместе с ней разделить Крестный путь Царственных страстотерпцев⁹⁵.

В процессе работы по сбору материалов удалось найти некоторые новые сведения и об Анне Степановне Демидовой, комнатной девушке Императрицы Александры Феодоровны: уточнить факты и даты ее биографии, собрать более полную информацию о ее предках и ближайших родственниках. Основную информацию о ней мы почерпнули в Государственном архиве Вологодской области, где к нашим поискам отнеслись с чрезвычайным вниманием и оказали всяческое содействие, а также в РГИА.

Из документов стало ясно, что ее родственники занимали в родном городе Череповце самое высокое положение, а главное, — все они были православными и многие отличались даже особой религиозностью. Так, в

⁹⁰ Письмо матери от 20 января 1918 года. Перев. с фр.

⁹¹ Баронесса Софья Буксгевден. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. Воспоминания фрейлины в трех книгах. М.: Лепта Книга, Вече, Грифъ, 2012. С. 396.

⁹² Волков А. А. Около Царской семьи. Париж, 1928.

⁹³ Воспоминания княгини Елены Петровны. // Библиотека редких книг и рукописей Колумбийского университета (США).

⁹⁴ Smirnoff S. Autour de l'assassinat des Grand-ducs. Ekaterinbourg–Alapaievsk–Perm–Petrograd. Paris: Payot, 1928. P. 284.

⁹⁵ За прошедшие годы было издано два ее жизнеописания. См.: Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников; Жук Ю. А. Претерпевшие до конца. Судьбы царских слуг, оставшихся верными долгу и присяге.

конце XVIII века прапрадед Анны Степановны именитый купец В. Н. Демидов был избран Городским головою Череповца, а ее дедушка, купец второй гильдии А. А. Демидов, являлся заместителем городского головы. Помимо торговой и общественной деятельности, он занимался также делами милосердия⁹⁶. Сохранились сведения о том, что отец и мать Анны Степановны тоже принимали участие в благотворительности⁹⁷.

Из сохранившихся до нашего времени исповедных росписей и метрических книг известно, что все родственники А. С. Демидовой были православными, регулярно причащались и исповедовались.

В особенности же отличалась благочестием ее родная тетя и крестная мать Аполлинария Евфимовна Тарасова (в первом браке — Заводчикова), являвшаяся главной благотворительницей расположенной близ Череповца Филиппо-Ирапской мужской пустыни⁹⁸. В начале XX столетия на ее средства в пустыни обновлялись и благоукрашались храмы, над ракой преподобного Филиппа Ирапского была устроена красивая сень. Супруг же ее, купец С. П. Тарасов, за свою благотворительную деятельность был даже удостоен Высочайшей благодарности и двух золотых медалей: на Станиславской и на Владимирской лентах.

В семье потомков А. С. Демидовой сохраняется предание, что, в частности, благодаря ходатайству своей тети, имевшей «доступ ко Двору»⁹⁹, Анна Степановна и стала горничной Императрицы.

По документам, найденным в Государственном архиве Вологодской области, удалось уточнить и состав семьи Демидовых. У Степана Александровича и Марии Евфимовны было семеро детей: сыновья Николай, Александр, Степан, Сергей и дочери Аполлинария, Анна и Елизавета (младший из сыновей, Сергей, скончался в возрасте двух месяцев от рождения).

Там же были найдены сведения о том, что в мае 1883 года, когда Анне было пять лет, оба ее деда — купцы Александр Андреевич Демидов и Евфимий Иванович Агафонов — вместе с городским головой И. А. Милютиным участвовали в торжествах по случаю коронации императора

---

⁹⁶ В 1870-х годах он являлся председателем Череповецкого комитета Общества попечения о раненых и больных воинах, а также на протяжении многих лет исполнял обязанности церковного старосты одного из главных храмов города — Воскресенского собора. Трудился на этом поприще он с усердием и ревностью, так что в 1882 году был даже награжден золотой медалью на Аннинской ленте.

⁹⁷ Известно, что отец ее входил в череповецкое благотворительное общество, являлся членом Попечительного совета Мариинской женской гимназии, а мать являлась одной из директрис дамского отделения комитета попечительного о тюрьмах общества, в задачи которого входил надзор за заключенными, наставление их в правилах христианского благочестия и доброй нравственности.

⁹⁸ Пустынь эта была основана в начале XVI века учеником преподобного Корнилия Комельского преподобным Филиппом Ирапским.

⁹⁹ Воспоминания В. Г. и С. В. Войшвилло // Архив Александро-Невского Ново-Тихвинского женского монастыря (Екатеринбург).

Александра III. Именно они подносили императору 16 мая в Москве хлеб-соль от череповецких жителей¹⁰⁰.

По достижении отроческого возраста Анна Степановна, по семейному преданию, была отдана для обучения в церковно-учительскую школу, действовавшую при Леушинском женском монастыре¹⁰¹. В период ее обучения обитель ежегодно посещал отец Иоанн Кронштадтский, с которым она, вероятно, была знакома еще по его приездам в Череповец и богослужениям в Воскресенском соборе.

В январе 1898 года приказом по Управлению Гофмаршальской части А. С. Демидова была определена на должность комнатной девушки к комнатам Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны. В фонде Гофмаршальской части в РГИА сохранилось два ее послужных списка¹⁰², последний из которых относится к 1918 году. Благодаря им удалось не только установить точную дату ее поступления на службу ко Двору, но и выяснить, что она никогда не имела личного дворянства (как это утверждается в ее житиях и посвященных ей статьях). Личное дворянство получил ее родной брат Александр Степанович. Согласно документам ЦГИА СПб.¹⁰³, он был награжден орденами святого Станислава II и III степеней и святой Анны III степени, в 1911 году был утвержден в чине коллежского асессора, а в 1914 году получил чин коллежского советника (оба этих чина, как и ордена, давали право на личное дворянство, распространявшееся только на жену/мужа).

Поскольку при Дворе А. С. Демидова была всего лишь служанкой, имя ее почти не упоминается в различных мемуарах, письмах и дневниках дореволюционного периода. Напротив, в письмах и дневниках членов Царской семьи за 1917–1918 годы оно встречается очень часто, показывая, насколько близким и, возможно, даже незаменимым человеком стала она для них в тот период.

---

¹⁰⁰ Архивные справки: № 4565-Т от 27. 01. 2015, № 1892-Т от 03. 07. 2015, № 2466-Т от 20. 07. 2015, № 2616-Т от 19. 08. 2015, № 3052-Т от 10. 09. 2015 из Государственного архива Вологодской области // Архив Александро-Невского Ново-Тихвинского женского монастыря (Екатеринбург).

¹⁰¹ Существует несколько версий о месте учебы А. С. Демидовой, однако все они не могут соответствовать действительности. Так, согласно показаниям, данным в 1918 году камердинером Императора Николая II Т. И. Чемадуриным, А. С. Демидова окончила в Санкт-Петербурге курс Демидовского коммерческого училища, однако это — явная ошибка, поскольку Демидовское училище было мужским, и обучаться в нем Анна Степановна никак не могла. В литературе нередко утверждается и то, что А. С. Демидова окончила Ярославское художественное училище, однако это невозможно по той причине, что оно было образовано на базе городских классов рисования только в 1919 году. Версия об учебе ее в череповецкой Мариинской женской гимназии также не подтверждается: ее имя отсутствует в списках выпускниц этого учебного заведения, опубликованных в книге «50-летие Череповецкой Мариинской женской гимназии. Исторический очерк развития гимназии (1865–1915 гг.)» (Сост. Н. И. Ахутин и Н. И. Друэн. Череповец, 1915). Таким образом, наиболее вероятным местом обучения А. С. Демидовой является церковно-учительская школа Леушинского монастыря, хотя, к сожалению, списков ее учениц за 1890-е годы в РГИА, ГАНО, ГАВО, РГАДА и др. архивах не сохранилось, и подтвердить это документально в настоящее время нет возможности.

¹⁰² РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 2082.

¹⁰³ Архивная справка № 829/т, 890/т от 10. 10. 2014 из Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга // Личный архив С. В. Войшвилло.

Сохранились также отрывки из ее собственного дневника за август-сентябрь 1917 года, опубликованные в Мюнхене в журнале «Вече» в 1989 году¹⁰⁴. Анна Степановна упоминала в нем обо всех богослужениях, которые совершались для Царской семьи и их верных слуг в Тобольске, о посещениях ими храма, о церковных праздниках. Наряду с этим она писала в дневнике о занятиях царских детей, об их здоровье, а также упоминала множество мелких бытовых подробностей, связанных с ее служением Августейшим узникам. Из этого видно, что Анна Степановна и в заключении с ревностью и усердием, несмотря ни на что, продолжала исполнять свой долг.

О последних месяцах и днях ее жизни известно из тех же источников, которые повествуют о жизни и мученической кончине святых Царственных страстотерпцев. Им она была верна во дни их благоденствия и славы, с ними разделила и их крестный путь — даже до смерти.

К настоящему времени составлено новое, более подробное, жизнеописание Анны Степановны Демидовой, в котором по возможности представлены все этапы ее жизни, показаны ее отношение к Церкви, ее беззаветная верность Царской семье¹⁰⁵.

Некоторые новые документы удалось найти также о жизни и деятельности повара И. М. Харитонов. Так, в архиве ЦГИА СПб. были найдены метрические записи о рождении его детей: Капитолины, Петра и Кирилла, где содержались очень ценные сведения о биографии самого Ивана Михайловича. Например, в записи о рождении Капитолины Харитоновой в 1898 году сообщалось об отце, что он — «запасной ефрейтор из мещанского рода Царского села»¹⁰⁶, а в метрической записи о рождении Петра в 1901 году говорилось, что его отец — «запасной ефрейтор 1-го резервного пехотного Александра Невского полка, потомственный почетный гражданин»¹⁰⁷. Оказалось, что информация из метрических книг не совпадает с той, которая изложена в публикациях о И. М. Харитонове, где утверждается, что он служил во флоте, а дед и прадед его были военными. Также выяснилось, что звание потомственного почетного гражданина Иван Харитонов имел уже к 1901 году, а не получил его в 1911 году, как говорится в его биографиях. При составлении жизнеописания мы воспользовались сведениями из метрических книг, как более достоверными.

В фонде Дворцовой полиции РГИА был найден послужной список на отца Ивана — Михаила Харитонина, в котором также содержится много новой информации. Из дела стало известно, что Михаил в «службу вступил

---

¹⁰⁴ Из дневника А. С. Демидовой (Царское Село 2 августа – Тобольск 15 сентября 1917 года) // Вече. Мюнхен, 1989. № 37. С. 182–192.

¹⁰⁵ За прошедшие годы было издано три ее жизнеописания. См.: Ковалевская О. Т. С Царем и за Царя. Мученический венец Царских слуг; Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников; Жук Ю. А. Претерпевшие до конца. Судьбы царских слуг, оставшихся верными долгу и присяге.

¹⁰⁶ ЦГИА. Ф. 19. Оп. 127. Д. 793. Л. 131 об.

¹⁰⁷ ЦГИА. Ф. 19. Оп. 127. Д. 1118. Л. 501.

из кантонистов¹⁰⁸» и был назначен «канониром в роту № 6 Ивангородского артиллерийского гарнизона»¹⁰⁹. Через год он стал ротным писарем, затем служил писарем в штабе Ивангородской артиллерийской части, а с августа 1861 года — в штабе Кронштадтской крепости¹¹⁰. В Кронштадте, видимо, и родился Иван. Но поскольку метрические книги кронштадтских церквей за 1865-1870 годы не сохранились, подтвердить это предположение пока нет возможности. Далее, из послужного списка мы узнали о том, что в 1873 году Михаил Харитонович поступил на службу в Санкт-Петербургское губернское жандармское управление, а 1 июня 1881 года был «командирован в Секретную часть охраны Его Императорского Величества»¹¹¹.

В конце своей жизни, в 1894 году, Михаил Харитонов стал письмоводителем Дворцовой полиции. В послужном списке есть сведения о братьях и сестрах Ивана. Эти документы позволили более точно воспроизвести биографию повара И. М. Харитонова. Иван Михайлович был глубоко верующим человеком, хорошим семьянином, добросовестным работником и знатоком своего дела. Православная вера лежала в основе его любви к Родине и Государю, непоколебимой преданности Церкви. Эта преданность проявлялась в первую очередь в самоотверженном труде и усердии при исполнении своего служебного долга. В период царскосельского, тобольского и екатеринбургского заключения И. М. Харитонов отличался мужественным, достойным поведением, сохранял самообладание, переносил всё с терпением, продолжая честно и добросовестно исполнять свой долг.

В фонде Гофмаршальской части Министерства императорского двора РГИА есть объемное дело «Об уплате денег старшему повару Харитонову за продовольствие в Царскосельских дворцах <...> и о расходах по пребыванию б. Царя и его Семьи... в г. Тобольске»¹¹². Это дело еще не до конца проанализировано, оно требует тщательного исследования, поскольку информация из него поможет уточнить некоторые подробности о жизни Царской семьи в ссылке. Например, материалы дела уже позволили проследить, как постепенно сокращалось довольствие для Царской семьи. Если в конце июля 1917 года в Александровском дворце стоимость питания на каждого члена Царской семьи составляла 230 рублей в день (завтрак, обед, полуденный и вечерний чай), то в конце Тобольской ссылки готовить приходилось из расчета 5 рублей в день (два блюда к завтраку и два к обеду). Но и при этом Иван Михайлович старался готовить как можно более разнообразные блюда. В записных книжках доктора Е. С. Боткина, которые были найдены в ГАРФе, сохранилось несколько меню обедов и завтраков за

---

¹⁰⁸ В России в 1805–1856 годах так назывались солдатские сыновья, числившиеся со дня рождения за военным ведомством.

¹⁰⁹ Формулярный список о службе Михаила Харитонова // РГИА. Ф. 1 349. Оп. 2. Д. 926. Л. 57 об.

¹¹⁰ Формулярный список о службе Михаила Харитонова // РГИА. Ф. 1 349. Оп. 2. Д. 926. Л. 57 об.

¹¹¹ Формулярный список о службе Михаила Харитонова // РГИА. Ф. 1 349. Оп. 2. Д. 926. Л. 59 об.

¹¹² РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 903.

период Тобольского заключения¹¹³. Из них, например, видно, что и в период ссылки все арестованные по средам и пятницам соблюдали пост. Князь В. А. Долгоруков писал о поваре И. М. Харитонове в феврале 1918 года: «Харитонов добросовестно работает, старается»¹¹⁴.

Благодаря новым документам и материалам удалось значительно дополнить жизнеописание Ивана Михайловича, уточнить многие факты и даты его биографии¹¹⁵.

И в заключение хотелось бы поблагодарить всех, кто так или иначе оказывает содействие в работе Екатеринбургской комиссии по канонизации святых. Нужно отметить, что практически во всех случаях в ответ на просьбы о помощи в сборе материалов мы встречали горячий отклик и искреннее участие. На наш взгляд, это свидетельствует об искреннем почитании верных царских слуг в нашем обществе.

Конечно, очень различна сохранность источников личного происхождения (их писем, дневников), которые лучше всего могли бы свидетельствовать об отношении их к вере и Церкви. Если письма доктора Е. С. Боткина и князя В. А. Долгорукова, дневниковые записи графини А. В. Гендриковой сохранились более-менее хорошо, то подобных источников об А. С. Демидовой и поваре И. М. Харитонове мы почти не имеем. Однако благодаря дошедшим до нас архивным и печатным материалам точно известно, что все они были православными, исповедовались, причащались, жизнь вели вполне благочестивую. Добровольно разделив с Царственными узниками их крестный путь, они нашли в себе силы исполнить и самую возвышенную заповедь Евангелия: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»¹¹⁶. А по словам святых отцов, «не те только мученики, которые приняли смерть за веру во Христа, но и те, которые умирают за соблюдение заповедей Христовых»¹¹⁷.

---

¹¹³ Так, на обед в пятницу 19 января 1918 г. были приготовлены борщ, макароны, картофель, котлеты рисовые, хлеб. На завтрак в пятницу 16 февраля 1918 года — борщ, картофель, пюре из репы и рис. В субботу на завтрак 17 февраля 1918 года подали щи кислые и жареного поросенка с рисом (ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 1. Конверт).

¹¹⁴ Письмо князя В. Долгорукова. 6 февраля 1918 г. // Архив Гуверского университета, США. Перев. с фр.

¹¹⁵ За прошедшие годы было издано четыре его жизнеописания. См.: Мультипули П. Жизнеописание новомученика царского повара Иоанна Харитонова, убиенного 4/17 июля 1918 г. в Ипатьевском доме в Екатеринбурге. СПб.: Леушинское издательство, 2003; Ковалевская О. Т. С Царем и за Царя. Мученический венец Царских слуг; Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников; Жук Ю. А. Претерпевшие до конца. Судьбы царских слуг, оставшихся верными долгу и присяге.

¹¹⁶ Ин. 15, 13.

¹¹⁷ Исаак Сирин, прп. Слова подвижнические. М., 2002. С. 41.

